

не выясненъ тотъ интересный процессъ, который совершился въ литературѣ: въ ея формѣ, когда образовался языкъ прозы, и въ ея содержаніи, отъ наивнаго народничества въ духѣ нашего XVIII вѣка до современнаго реализма.

Новѣйшія теченія европейской литературы и ихъ отраженіе въ хорватской не разграничены. Напримѣръ, Бабица Шурминъ считаетъ подражателемъ Тургенева, Додэ, Золя (?), Бальзака, Флобера и вмѣстѣ съ тѣмъ называетъ представителемъ школы психологовъ и чистымъ реалистомъ (стр. 212); Кумичича авторъ причисляетъ къ натуралистамъ только потому, что онъ изображаетъ неприглядную сторону дѣйствительности.

О литературной критикѣ у хорватовъ, правда, нѣсколько наивной и рѣдко выходящей изъ предѣловъ эстетической оцѣнки отдѣльных мѣстъ разбираемаго произведенія, Шурминъ не сказалъ ни слова; но онъ могъ бы дать обзоръ научнаго изученія хорватской литературы и исторіи; для этого достаточно было бы обозрѣть дѣятельность Югославянской Академіи. Шурминъ не сдѣлалъ этого. Двѣ послѣднія странички посвящены Рачкому и Ягичу — внѣ всякой связи съ предыдущимъ.

А дальше идетъ сербская литература, изложенная совершенно независимо отъ хорватской, какъ будто дѣйствительно нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія между ними.

Все, что сдѣлано Шурминымъ положительнаго въ смыслѣ собранія матеріала, не пропадетъ даромъ; будемъ надѣяться, что съ теченіемъ времени авторъ обогатится новыми знаніями, опредѣлятся и усовершенствуются его приемы литературной критики, углубится взглядъ на историко-литературное развитіе какъ органическое, ведущее къ уясненію общественнаго сознанія, къ полному сближенію литературы съ жизнью. Тогда пусть авторъ приступаетъ къ новому совершенно переработанному изданію своего сочиненія.

А. Липовскій.

II.

D-r Djuro Šurmin. Povjest književnosti hrvatske i srpske. II: Srpska književnost (стр. 227—303).

Вторая часть книги г. Шурмина посвящена историческому обзору сербской литературы, начиная съ XII-го вѣка и заканчивая